

Феликс Кохрихт

Старая Festung*

В школьные годы я полагал (так нас учили), что самая большая из сохранившихся в Европе крепостей находится по соседству с Одессой – в Белгороде-Днестровском. Мы, юные туристы, этим очень гордились и совершали в тихий городок на лимане многодневные пешие походы.

Со временем выяснилось, что наша фортеция действительно и стара, и велика, и обладает несомненными достоинствами, но уступает по всем параметрам Фестунгу, который высится над австрийским Зальцбургом. Уже в зрелые годы я побывал здесь неоднократно, но и сегодня крепость эта полна для меня тайн и загадок, очарования и величия...

Первое укрепление на неприступной скале, возвышающейся на 120 метров над уровнем нынешнего города, возникло в глубо-

* Festung (нем.) – крепость. Помните, был такой фильм о гражданской войне – «Старая крепость»? В нашем пионеротряде полагали, что он снимался в Аккермане (он же – Белгород-Днестровский), но, как оказалось, увы, – в Каменец-Подольском.

кой древности, а в летописи оно упоминается с XI века. К XVI-му здесь командовали князья-архиепископы, олицетворявшие и духовную, и светскую власть над регионом, занимавшим важнейшее стратегическое положение в предгорьях Альп на пути в Италию. Как следует из названия города, Salzburg издавна был центром добычи соли и торговли ею.

После того как очередного князя в сутане изгнал победоносный Наполеон, да и соль стала общедоступной, этот австрийский город известен, главным образом, как родина Моцарта. Зальцбург сменил приоритеты и настолько увлекся этим ребрендингом, что в значительной степени переборщил. Нынче гениальный композитор со славной, но трагической судьбой стал, по существу, товарной маркой...

Моцарт – космос для одних, как минимум, планета.
Для других он – сувенир, круглая конфета...

Впрочем, это – отдельная тема, заслуживающая серьезного разговора, а в жанре путевых заметок заглянем в знаменитый на весь мир высоченный дом, на стене которого обозначена фамилия великого квартиросъемщика.

Хочешь не хочешь, но ты посетил
Дом, где он родился и по факту жил.
Маленькие комнаты, высокий потолок...
На горбу мужчина клавесин волок...
Кафтанчик лопнул тесный и паричок промок.
Но счастлив папа Моцарт: «Садись, играй, сынок!»

А теперь – в старую крепость: зимний день здесь короткий, и скоро темнота окутает башни и стены...

Зальцбург – театр, я – преданный зритель.
Гляжу не на город, а в путеводитель.
Считаю колонны, сличаю капитель...
Подъемником – в замок, вхожу в накопитель.
Но помню, когда-то я шел по дороге
и лестниц крутых дерибанил пороги...
А нынче, о боже, какая нелепость!
В вагончике еду я в Старую крепость...

Действительно, ранее, большей частью в дивную летнюю пору, мы не спеша шагали по выложенной булыжником дороге, останавливались, чтобы перевести дух, наши австрийские спутники осеняли себя крестным знаменем у маленьких часовен...

Вот так же лет 250 лет назад папа Моцарт вел за ручку малыша Вольфганга-Амадея в крепость – поклониться князю-архиепископу...

На сей раз стояла зябкая зима, времени было мало, и мы взмыли – прямо с городской площади – в кабине канатной дороги и вознаградились видом на старые кварталы и купола соборов...

Выныриваешь из вагончика – и сразу же сталкиваешься взглядом с заснеженными Альпами. То, что они рядом, мы знали и раньше, но со стен крепости это ощущалось куда убедительнее.

Пожалуй, и триумфатор Наполеон, пришедший сюда в 1880 году, мог испытать это чувство.

Вот там, где уборщик шурует лопатой,
пред боем австрийские грелись солдаты.
А рядом, где «колой» торгует дозатор,
пытливо на Альпы глядел император.
Я многое помню – и эти истории
спешу записать в кондуит территории.

На смотровой площадке установлен телескоп, и выглядит это, как кадр из фантастического фильма: как будто космонавты рассматривают с Луны земные горы... В это день никто из туристов не глядел в астрономическую увеличительную трубу, отчего происходящее слегка напоминало другую ленту о том, как никого нигде не осталось...

И в XXI веке здесь принимает насельниц Нонбург – самый старый из женских монастырей, действующих нынче в немецкоговорящих странах. Монахини выглядят весьма современно и спускаются в город по булыжному серпантину на велосипедах, правда, поднимающихся в обитель на этом же транспорте я не видел....

На территории в 30 тысяч квадратных метров когда-то кипела жизнь, решались судьбы не только местных жителей, но и соседних стран. Властелины здешних мест не подчинялись ни римскому папе, ни австрийским императорам...

О том, как они жили, какие мебель и утварь их окружали, можно узнать, бродя по залам дворца, превращенного в музей. По оставшимся фрагментам декора представляешь себе, сколь богаты и честолюбивы были хозяева спален и рабочих кабинетов, трапезных и библиотек.

По соседству расположились экспозиции, в которых представлены оружие и музыкальные инструменты: пожалуй, именно в них, как ни в чем другом, отражается стиль и пафос минувших эпох...

Каждый из нас, одесситов, ощутил здесь свое, которым воздержался поделиться на обратном пути. Рискну предположить, что Алексей Ботвинов вглядывался в старинные диковинные духовые инструменты, ощущая вибрацию воздуха, рвущегося наружу из их изогнутых «стволов», – помните, у Мюнхгаузена про замерзшие ноты...

Наши спутницы дивились изысканной пышности древних драгоценных тканей, сочувствуя тем, кто мелькал когда-то в этих потемневших от времени зеркалах.

Я же с любопытством разглядывал мундиры и амуницию офицеров австрийской армии времен императора Франца Иосифа – на миг почувствовал себя бравым солдатом Швейком и с удовольствием взял под козырек.

Прямо под крепостью, у собора, недавно установили огромный золотистый шар. Мы ахнули, увидев из крепости на его «вершине» мужскую фигурку – смельчак разглядывал нас снизу, а мы его – сверху. Спустившись в город, убедились, что паренек-то – кукла, а все это – остроумная инсталляция.

Но в крепости располагаются не только музей, собор и монастырь. Есть здесь и престижный ресторан с террасой, выходящей на Альпы, и кафе, в котором можно отведать здешние специалитеты.

Я в местную кухню хожу за границей,
чтоб пищей народною здесь насладиться.
И в Вене, и в Зальцбурге пробую шницель,
Ах, рифма славная пришла,
А с ней – блондинка милая с забавным шпичем!

Не доходя до моста через бегущую с гор речку Зальц, делящую город на две части, я заметил за узорным кованым забором одной из вилл бронзовую фигуру и узнал в ней великого дирижера Герберта фон Караяна – он здесь жил много лет.

И родилась заключительная запись в зальцбургском дневнике:

Ах, не пива, а вина белого налейте!
И сыграйте напоследок на Волшебной флейте!
Палочкой взмахнет за пультом Герберт Караян.
И Алеша позабудет турецкий барабан...

Последняя строчка нуждается в пояснении. Много лет назад Алексей Ботвинов, окончивший Одесскую консерваторию лау-

реатом Всесоюзного конкурса имени Рахманинова, был призван в армию. Ничто и никто не смогли убедить солдафонов в генеральских погонах, что народное достояние нужно беречь, а не губить. Алешу определили в военный оркестр – он должен был на большом турецком барабане отбивать такт на ежедневных караульных разводах. С тех пор мой друг с опаской поглядывает на большие турецкие барабаны. И его можно понять...

А что до напитков... Австрия и Германия различаются трудно, особенно если путешествуешь в поезде, скажем, из Мюн-

хена в Зальцбург. Границы толком не обозначены, язык один и тот же, архитектура и природа сходны... И все же есть надежный признак того, где ты находишься. Если Германия славится пивом, то в австрийском ресторане я настоятельно рекомендую вам вино. Лучше – белое.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

